

Урок 20

ГРЕХОПАДЕНИЕ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ (продолжение)

Методические указания к уроку № 20

Цель урока.

- ❖ Изложить учение церкви о грехопадении первых людей.
- ❖ Раскрыть следующие темы:
 - *Попечение Божие о падшем человеке.*
 - *Сохранился ли образ Божий в человеке?*
 - *Происхождение от первозданной четы всего человеческого рода.*
 - *Первородный грех, его наследственность и всеобщность.*

Разобрать и запомнить следующие понятия: «кожаные ризы», первородный грех.

Попечение Божие о падшем человеке

1. «Кожаные ризы». Согласно Библии, после падения первых людей, Бог из сострадания к ним *сотвори... ризы кожаные и облечи их* (Быт. 3, 21).

Что же понимают отцы под «кожаными ризами»? Если говорить в общем, то — смертность, которую после падения воспринял человек как вторую свою природу. Мефодий Олимпийский, например, говорит: «Бог сделал кожаные одежды для этой цели, как бы одевая человека в смертность». В элементы («стихии») тела человека введено было противоборство, и в силу того оно стало грубым и тленным, подверженным страданиям и смерти.

Такое изменение природы человека было праведным возмездием за грех. Первозданный человек оставил божественную пищу, которая соответствовала его природе, и для того, чтобы достичь независимости от Бога, избрал в качестве пищи плод запретного дерева, несмотря на то, что он хорошо знал, что это был плод смерти, то есть плод постоянного изменения, текучести. Тем самым, в соответствии с плодом, который он избрал, он такой же соделал свою жизнь — подверженной разложению; можно сказать, что Адам предал всю нашу природу в пищу смерти.

Таким образом, после грехопадения «жизнь» переродилась в «выживание»; подлинной реальностью бытия стала смерть, а жизнь продолжалась лишь по-

стольку, поскольку откладывалась смерть. Эта смертность, то есть «жизнь в смерти», ощущаемая как непрочность, текучесть и, более того, как бессмысленность существования, и является преимущественным признаком «кожаных риз».

Облечение в «кожаные ризы» — это утрата богоподобного достоинства своей природы. При сотворении человеческое тело было открыто для ангельских сил и для Бога, легко вступало в общение с ними. В то время, пишет святитель Григорий Нисский, единый хор разумной природы, ангельской и человеческой, «созерцал единого Главу хора и пел в гармонии с Главой». Но грех «разрушил эту вдохновенную гармонию хора»; увлекшись обольщением змия, человек пал и смешался с грязью. Облеченный теперь в грубую плоть человек не мог уже свободно общаться с Богом и Ангелами; «кожаные ризы» стали завесой, отделяющей его от мира невидимого. Напротив, новая реальность для человека — это жизнь чисто биологическая, жизнь неразумных существ. Как пишет святитель Григорий Нисский, теплокровные животные руководствуются своими чувствами, умножаются размножением в результате их привязанности (стремления) к удовольствию. Трусость спасает слабых, свирепость — тех, которые сильнее других. Эти черты и другие подобные им «через скотоподобный образ рождения вошли в состав человеческого естества», свойства неразумной природы соединились с человеком.

Святитель Григорий Нисский такими словами характеризует новое, «нижеестественное» состояние человеческой природы: «Это то, что человек воспринял в дополнение с неразумной кожей: половой союз, зачатие, рождение, осквернение, питание грудью, а затем пищей и выбрасывание ее из тела, постепенное возрастание, взрослую жизнь, старость, болезнь и смерть».

Преподобный Максим Исповедник обращает внимание еще на один признак «кожаных риз». Биологическое, скотоподобное существование человека сопряжено для него со страданием. Голод, жажда, усталость, действие стихий, болезни — все эти «естественные страсти» стали составлять как бы новый природный закон для человека. Этот закон установлен Божественной справедливостью и действует в полном согласии с ней: страдание является расплатой за удовольствие, доставляемое грехом. Чем больше ищет человек удовольствия, тем сильнее испытывает страдание. Впрочем, в условиях падшего мира страдание скрыто под приманкой удовольствия, так что по причине грубости плоти человек легко ловится на эту приманку. Думая избежать страданий и получить удовольствие, он лишь увеличивает свои страдания. Преподобный Максим говорит о «лукавых узах естества», которые накрепко связывают человека приманками удовольствий. Эта обольстительность греха, его неприметность и кажущаяся безобидность и составляют еще один признак «кожаных риз».

Следует подчеркнуть, что понятие «кожаные ризы» относится не только к телу, но и к душе человека. Сами по себе немощи естества не являются грехом, это «неукоризненные страсти», которые по праведному суду Божию служат лишь наказанием за грех. Однако в условиях грубости и тленности плоти «естественные страсти» служат источником «неестественных», то есть греховных страстей. Так, забота о здоровье и благосостоянии тела побуждает к чревоугодию и сребролюбию, невосприятие духовного мира неизбежно приводит к забвению о Боге, к тщеславию и т. п. Получается, что «кожаные ризы» — это не только огрубевшее тело, но и душа, подверженная страстям. Как Библия, так и св. отцы отмечают, что после грехопадения весь человек, и душой, и телом, стал «плотским». Святитель Иоанн Златоуст, комментируя текст апостола Павла: *Сущие же во плоти Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8), — пишет: «Он говорит “плоть”, а не “тело” или тела, (имея в виду) жизнь плотскую, или мирскую, полную самооправдания и распутства, которая делает всего человека плотью».

Святитель Григорий Нисский отмечает, что не только тело, но и душевные страсти образуют «покрывало сердца... плотское покрывало ветхого человека». Когда он говорит «плоть», он определяет тем самым ветхого человека, которого Апостол повелевает совлечься и отложить прочь (1 Кор. 2, 14; 3, 3; Еф. 4, 22), то есть человека, которого Апостол именует «плотским» или «естественным» в противоположность «духовному». По краткой формулировке святителя Григория, «кожаные одежды» есть «плотская воля».

Облечение в «кожаные ризы», то есть в смертную, подверженную разложению природу, — закономерный результат грехопадения. Однако в книге Бытия говорится, что Сам Бог облакает человека в эти одежды. Из этого, конечно, не следует, что Бог создает смерть и тление. Бог не является Творцом зла. Напротив, Он — единственный, Кто может обращать зло в добро. И Он всегда действует по любви. Как пишет преподобный Максим Исповедник, «Бог действует по любви даже по отношению к тем, кто стал злым, совершая дело нашего исправления». И Он использует сложившуюся ситуацию на пользу согрешившему человеку. Это как бы вторая сторона «кожаных риз» — в ней прослеживается действие не только правосудия, но и любви и попечения Божия о падших пра-родителях.

Позволяя существовать смерти, Бог обращает ее против тления, приводящего к смерти, и устанавливает предел как для тления, так и для греха. Так Бог ограничивает зло и делает падение небезнадежным. Его первоначальный план о вечной и блаженной жизни человека остается неизменным. Комментируя эту тайну беспредельного Божественного сострадания, святитель Григорий Богослов говорит, что Бог попускает существовать смерти, «чтобы зло не стало бессмертным».

Облечение в грубую плоть, как уже сказано, лишило человека возможности общаться с духовным миром, сильно ослабило в нем способность к духовному ведению.

Облечение в биологическую жизнь имело большое педагогическое значение. Человек согрешил по беспечности, не ценя своего богоподобного достоинства, и теперь «кожаные ризы» немощной, подверженной страданиям плоти должны были воспитать в нем смирение. «Ты будешь переносить тяжкий труд и заботу, — говорит св. Иоанн Златоуст от лица Бога, — и в печали проводить всю жизнь, чтобы это было для тебя уздой, чтобы ты не мечтал о себе выше своего достоинства, но постоянно помнил бы о своей природе и впредь никогда не допустил себя до подобного обольщения».

«Новый естественный закон», по которому за греховным удовольствием непременно следовало страдание, должен был положить предел греховному направлению воли человека. Как непослушного ребенка приучают к послушанию с помощью телесных наказаний, так и падшего человека только страх испытать страдание мог отвратить от греховного стремления к удовольствиям.

2. О браке. Отцы Церкви ясно и единодушно учат, что до грехопадения брака не было в том виде, как мы понимаем его теперь. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Будучи сотворен, Адам пребывал в раю, и там не было речи о браке. Он нуждался в помощнике, и он был ему дан. Но тогда даже и не было нужды в браке... Желание полового общения, зачатие, муки чадородия и любая форма тления были чужды их душам». Этот текст почти дословно совпадает с учением святителя Григория Нисского о том, что половой союз, зачатие, рождение и т. д. — это аспекты «кожаных риз», которые даны были человеку после падения. Что в точности означали слова Адама: *Прилепится к жене своей, и одна плоть* (Быт. 2, 24) — применительно к состоянию до падения, к какой форме союза это вело, мы не знаем, так как мы не знаем в точности, каково было тело человека до падения.

Тело существовало, муж и жена существовали отдельно, каждый со своими психофизиологическими особенностями. Однако святители Иоанн Златоуст и Григорий Нисский не сомневаются в том, что они не были подчинены телесным нуждам; «они жили, как Ангелы, не стора от пожеланий (плоти) и не тревожились другими страстями». По этой причине мы не знаем, как должны были *плодиться и размножаться* (Быт. 1, 28) люди до грехопадения. Преподобный Максим Исповедник говорит очень обще о «духовном размножении» человеческого рода.

Итак, брак в том виде, в каком мы его знаем теперь, появился лишь после грехопадения. Страстное рождение от семени по образу животных стало неотъемлемой частью той биологической, скотоподобной жизни, на которую был

осужден человек. Сила этого осуждения была в особенности велика. Вместе с зачатием, соединенным с чувственным удовольствием, передавался и грех произволения, и немощь естества. Рождение стало каналом, который приобщал человека с самого начала его бытия к потоку греховной жизни. Поэтому оно является синонимом первородного греха.

Состояние падшего человека было, таким образом, весьма печальным и тем более ужасным, что было совершенно безысходным. Жизнь человека начиналась несправедливым удовольствием зачатия, этим зачатком развития страстей, и кончалась заслуженной смертью. Однако и эту, казалось бы, безнадежную реальность, созданную грехом, Бог использовал в целях Своего Всеблагого Промысла. Благодаря браку, человек не только сохранил способность к биологическому выживанию, он не только получил утешение иметь потомство, которое само по себе преодолевает болезни чадородия (Ин. 16, 21), но, самое главное, — падшему человеку сразу по грехопадению было обещано, что из его потомства произойдет Спаситель, Который разорвет этот порочный круг греховной жизни (Быт. 3, 15).

Сохранился ли образ Божий в человеке?

Нарушение, помрачение, искажение, расслабление, которые первородный грех вызвал в духовном естестве человека, можно кратко назвать нарушением, повреждением, помрачением, обезображиванием образа Божия в человеке. «Человек сотворен по образу Божию, — говорит св. Василий Великий, — но грех изуродовал красоту образа, вовлекши душу в страстные желания».

По учению св. Иоанна Златоуста, до тех пор, пока «Адам еще не согрешал, но образ свой, созданный по образу Божию, хранил чистым, ему звери покорялись как слуги, а образ свой загрязнил грехом, звери не узнали в нем господина своего и из слуг превратились в его врагов, стали воевать против него, как против чужеземца». «Когда в человеческую жизнь вошел грех как навык, — пишет святитель Григорий Нисский, — и от малого начала произошло необъятное зло в человеке, и богообразная красота души, созданная по подобию Первообразной, покрылась, как некое железо, ржавчиной греха, тогда уже не могла более полностью сохраниться красота естественного образа души, но она изменилась в отвратительный образ греха. Так человек, великое и драгоценное творение, лишил себя своего достоинства, пав в грязь греха, потерял образ нетленного Бога и через грех облекся в образ тления и праха, подобно тем, которые по неосторожности упали в грязь и измазали лицо свое, так что их и знакомые не могут распознать». Тот же отец Церкви под потерянной драхмой евангельской (Лк. 15, 8—10) понимает душу человеческую, тот образ Царя Небесного, кото-

рый не утрачен совсем, но пал в грязь, а под грязью нужно понимать плотскую нечистоту.

После грехопадения Бог не отверг человека-грешника. Он не отнял от него ни образа Своего, отличающего его от животного мира, ни свободы воли, ни разума, способного постигать духовные начала, ни многих других способностей.

Так, разум падшего человека, хотя он помрачен и расстроен грехом, не совсем утратил стремления к Богу и к Божией истине и способность принимать и понимать откровения Божии. На это указывает тот факт, что наши прародители после сделанного греха скрываются от Бога, ибо это свидетельствует об их ощущении и сознании вины перед Богом; об этом говорит и то, что они сразу же узнали Бога, как только услышали Его голос в раю; об этом свидетельствует и вся последующая жизнь Адама, вплоть до самой смерти. Это же самое справедливо и по отношению к воле и сердцу в падшем человеке: хотя и воля, и сердце были грехопадением серьезно повреждены все-таки в первочеловеке осталось известное чувство добра (Рим. 7, 18), а также способность к творению добра и выполнению основных требований морального закона (Рим. 2, 14—15), ибо свобода выбора между добром и злом, отличающая человек от животных, осталось и после падения неотъемлемой собственностью человеческого естества. Человек может чувствовать доброе и желать добра. Он по-прежнему имеет некоторую способность творить добро и раскаиваться в зле.

Через преступление падший человек уподобился неразумным животным, т. е. помрачился и лишился совершенства и бесстрастия, но не лишился того естества и силы, которую получил от Преподобного Бога. Ибо он, в противном случае, стал бы неразумным и, следовательно, не-человеком; но он сохранил то естество, с которым был сотворен, а также и естественную силу, — свободной, живой и деятельной, и по естеству мог выбирать и творить добро, и избегать и отвращаться от зла.

Происхождение от первоизданной четы всего человеческого рода

Сотворив мужа и жену, Бог дал им благословение на размножение своего рода: *И благослови их Бог, глаголя: раститесь и множитесь, и наполняйте землю, и господствуйте ею* (Быт. 1, 28). Это благословение и стало основой размножения человечества. Все народы, на всем земном шаре, при всем различии языка, цвета кожи, телесных и духовных дарований, являются потомками еди-

ной первозданной четы; они представляют единый по духу и телу человеческий род.

В книге Бытия, как бы для большего утверждения этой истины, трижды повторяется повествование о происхождении всех людей от одной четы.

Первый раз бытописатель говорит об этом по изображению таинственного Божественного совета о сотворении человека: *И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори Его: мужа и жену сотвори их* (Быт. 1, 27). Далее дается Божие благословение на их размножение. Указание бытописателя на сотворение одного мужа и одной жены вместе с данным благословением Божиим на размножение дает понять, что первозданные муж и жена предназначались быть родоначальниками всего человечества.

Второй раз ту же истину бытописатель утверждает, когда говорит о самом образе творения мужа и жены. Здесь он указывает, что Адам был первый и единственный прародитель всех людей и ему никто не предшествовал на сотворенной земле. До Адама человек не бывал делати ю (землю) (Быт. 2, 5). В качестве причины сотворения жены бытописатель указывает на то, что на земле в то время не обретется помощник подобный ему (Быт. 2, 20). Поэтому и сотворена первая жена, которая ясно называется прародительницей всего человеческого рода: *Нарече Адам имя жене своей жизнь, яко та мати всех живущих* (Быт. 3, 20).

Эта же истина лежит в основе возвещаемого Церковью учения о всеобщей любви, братстве и равенстве народов. Как ясно выраженная в Откровении, эта истина третий раз подтверждается созданием именно одной человеческой четы в книге Бытия: *Сотвори Бог Адама, по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори их* (Быт. 5, 1—2).

От Ноя и его сыновей, произошедших от Адама, произошло, как указывает бытописатель, все множество народов, разнообразных по племенным особенностям. Заклучая исчисление племен народов земли, Моисей говорит: *Сия племена сынов Ноевых по родом их, по языком их: от сих разсеяшася острови языков на земли по потоце* (Быт. 10, 32).

Именем *острови языков* называли отдаленные от Палестины страны, жители их составляли потомство общего предка — Адама. Род человеческий имеет свое единство в Адаме. На это первоначальное единство всего человеческого рода указывал Моисей, описывая событие смешения языков: до времени столпотворения *бе вся земля устне едино, и глас един всем* (Быт. 11, 1). Смешение языков явилось непосредственной причиной разделения племен: *оттуду разсея их Господь по лицу всея земли* (Быт. 11, 9).

Истина единства человеческого рода отражается и в других книгах Ветхого Завета. Так, в Первой книге Паралипоменон родословие ведется от Адама, как

общего родоначальника (1 Пар. 1—8). В Книге Товит Товия в молитве к Богу исповедует: *Ты сотворил еси Адама и дал еси ему помощницу Еву утверждение жену его: от тех родися человеческое семя* (Тов. 8, 6).

В Новом Завете также находятся неоднократные подтверждения сказания Моисея о происхождении человечества от одного прародителя, призванного к бытию через творческое действие Божие.

...*Адамов, Божий* (Лк. 3, 38) — всю родословную Христа Спасителя св. евангелист Лука завершает словом «Божий», указывая этим, что до Адама людей не было. Сам Господь утверждает эту истину, говоря: *Несте ли чли, яко сотворивый искони, мужеский пол и женский сотвори я есть?* (т. е. сотворил мужчину и женщину, как сказано в русском переводе) (Мф. 19, 4). Апостол Павел пишет: *Адам бо прежде создан бысть, потом же Ева* (1 Тим. 2, 13). В Деяниях Апостольских также говорится, что Бог сотворил от одной крови весь человеческий род, чтобы он жил по всему лицу земному (Деян. 17, 26). Таким образом, все люди происходят от одной крови, или общего корня, образуя собой внутреннее и органически нераздельное единство.

Всеобщая греховность людей связана также с тем, что человечество было поражено грехом в своих прародителях. *Сего ради якоже едином человеком грех в мир вниде и грехом смерть* (Рим. 5, 12). Как Христос — второй Адам — является родоначальником духовно возрожденного человечества, так первый Адам — генетический родоначальник для людей. Современная генетика подтверждает идею единства человеческого рода. Об этом же говорят общность и одинаковость для всех рас и племен анатомического строения тела, способность мужчин и женщин различных рас через брак производить потомство, способное к воспроизведению, (чего не бывает при скрещивании даже близких видов животных, например, лошади и осла: мул и лошак бесплодны); общность законов так называемой животной экономии, касающихся рождения, условий существования, возрастов и смерти, наконец, замечательная общность древних преданий о первых людях, об их блаженном состоянии, о падении и потопе.

Первородный грех, его наследственность и всеобщность

Грех наших прародителей Адама и Евы называется **первородным**, потому что он появился в первом роде людей и потому что был первым грехом в мире человеческом. Он вызвал тяжелые и пагубные последствия для духовного и вещественного естества, а также для всей видимой природы вообще. Своим грехом прародители ввели диавола в свою жизнь и дали ему место в богозданном и богообразном естестве. Таким образом, грех стал творческим началом в их естестве, противоестественным и богоборческим, злолюбивым.

Учение о первородном грехе, распространившемся от Адама и Евы на весь род человеческий, чрезвычайно важно в христианстве. Если в людях нет первородного греха и природа их не повреждена; если они рождаются чистыми и невинными перед Богом, каким вышел из рук Творца первый человек, в таком случае искупление для них не нужно, Сын Божий напрасно приходил на землю и вкусил смерть, и христианская вера подрывается в самых основах. Поэтому и говорят учителя Церкви, что грех Адамов и Искупление, совершенное Христом Спасителем, суть как бы два средоточия, вокруг которых вращается все христианское учение.

В самом учении о первородном грехе Православная Церковь различает, во-первых, самый грех и, во-вторых, его последствия в нас.

Под именем первородного греха она понимает то преступление заповеди Божией, то уклонение человеческой природы от закона Божия, и следовательно от целей своих, которое совершено нашими праотцами в раю и от них перешло на всех нас. «Первородный грех, — читаем в Православном исповедании веры, — есть преступление закона Божия, данного в раю прародителю Адаму. Сей прародительский грех перешел от Адама во все человеческое естество, поелику все мы тогда находились в Адаме, и таким образом через одного Адама грех распространился на всех нас. Посему мы и зачинаемся и рождаемся с сим грехом».

Первородный грех не полностью тождествен в Адаме и в его потомках. Разница в том, что под прародительским грехом в самих прародителях понимается и грех их, и вместе то греховное состояние их природы, в которое вошли они через этот грех; а в нас, их потомках, понимается собственно одно греховное состояние нашей природы, с которым и в котором мы рождаемся. Адам сознательно, лично, непосредственно и своевольно преступил заповедь Божию, т. е. сотворил грех, который произвел в нем греховное состояние, в котором царствует начало греховности. Другими словами, в первородном грехе Адама нужно различать два момента: первое — сам поступок, сам акт нарушения заповеди Божией, само преступление (греч. «паравасис» — Рим. 5, 14), само прегрешение (греч. «параптома» — Рим. 5, 12); само непослушание (греч. «паракои» — Рим. 5, 19); и второе — этим созданное греховное состояние, греховность (греч. «амартиа» — Рим. 5, 12, 14). Потомки Адама, в строгом смысле слова, не участвовали лично, непосредственно, сознательно и своевольно в самом поступке Адама, в самом преступлении (в «параптоме», в «паракои», в «паравасисе»), но, рождаясь от падшего Адама, от его зараженного грехом естества, они в рождении принимают как неминуемое наследство греховное состояние естества, в котором обитает грех (греч. «амартиа»), который как некое живое начало действует и влечет к творению личных грехов, подобных греху Адама, поэтому они и подвергаются наказанию, как и Адам. Это то «семя тли», та наследственная

порча природы и склонность ко греху, которую все люди получают от Адама посредством рождения. Зачатие и рождение — канал, по которому передается прародительская порча. *«Се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя»* (Пс. 50, 7), — восклицает Давид, а апостол Павел прямо связывает порчу человеческой природы с грехом прародителей: *Единым человеком грех в мир вниде и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, в немже вси согрешиша* (Рим. 5, 12).

На самом деле, всякий личный грех каждого потомка Адама почерпнет свою существенную, греховную силу из греха прародительского, и наследственность первородного греха — это не что иное, как продолжение падшего состояния прародителей в потомках Адамовых.

Наследственность первородного греха всеобща, ибо никто из людей не изъят из этого, кроме Господа Иисуса Христа.

Всеобщую наследственность первородного греха многими и различными образами показывает Святое Откровение Ветхого и Нового Заветов. Так, оно учит, что падший, зараженный грехом Адам рождал детей *по образу своему* (Быт. 5, 3), т. е. по обезображенному, поврежденному, растленному грехом образу своему. Праведный Иов указывает на прародительский грех как на источник всеобщей человеческой греховности, когда говорит: *Кто бо чист будет от скверны? Никтоже, аще и един день житие его на земли* (Иов. 14, 4—5). Пророк Давид, хотя он рожден от благочестивых родителей, жалуется: *Се бо в беззакониих* (в еврейском оригинале — *в беззаконии*) *зачат есмь, и во гресех* (в еврейском — *во грехе*) *роди мя мати моя* (Пс. 50, 7), чем указывает на зараженность грехом человеческого естества вообще и на ее передачу посредством зачатия и рождения.

Все люди, как потомки падшего Адама, подвержены греху, поэтому Святое Откровение и говорит: *Несть человек, иже не согрешит* (3 Цар. 8, 46; 2 Пар. 6, 36); *Несть человек праведен на земли, иже сотворит благое и не согрешит* (Еккл. 7, 20); *Кто похвалится чисто имети сердце? или кто дерзнет рещи чиста себе быти от грехов?* (Притч. 20, 9). Сколько бы ни искали безгрешного человека, человека, который не был бы заражен греховностью и подвержен греху, Ветхозаветное Откровение утверждает, что такого человека нет: *Вси уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единого* (Пс. 52, 4); *Всяк человек ложь* (Пс. 115, 2) — в том смысле, что в каждом потомке Адама через зараженность грехом действует отец греха и лжи — диавол, лгущий на Бога и на богозданную тварь.

Новозаветное Откровение основывается на истине: все люди грешные, — все, кроме Господа Иисуса Христа. Происходя путем рождения от растленного грехом Адама как единого родоначальника (Деян. 17, 26), все люди под грехом,

все согрешили и лишены славы Божией (Рим. 3, 9, 23), все по зараженному грехом естеству своему являются *чадами гнева* (Еф. 2, 3). Поэтому кто имеет, знает и чувствует новозаветную истину о греховности всех людей без исключения, тот не может сказать, что кто-либо из людей без греха: *Аще речем, яко греха не имам, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1, 8). Только Господь Иисус Христос без греха как Богочеловек, ибо Он рожден не путем естественного, семенного, греховного зачатия, а путем бессеменного зачатия от Девы Святой и Духа Святаго. Живя в мире, который *лежит во зле*, Господь Иисус Христос *греха не сотвори, ни обретеся леть во устех Его* (1 Пет. 2, 22), ибо *греха в Нем несть* (1 Ин. 3, 5). Будучи единым безгрешным среди всех людей всех времен, Спаситель мог спросить лукавых людей, которые за Ним непрестанно следили, чтобы обвинить Его во грехе, открыто спросить: *Кто от вас обличает Мя о гресе?* (Ин. 8, 46).

В Своей беседе с Никодимом Спаситель говорит, что для вхождения в Царство Божие каждому человеку необходимо возродиться водою и Духом Святым, поскольку каждый человек рожден с первородным грехом, ибо *рожденное от плоти плоть есть* (Ин. 3, 6). Здесь слово «плоть» обозначает ту греховность естества Адама, с которой каждый человек рождается на свет, которая проникает все существо человеческое и особенно проявляется в его плотских настроениях (расположениях), стремлениях и действиях. По причине этой греховности, действующей в личных грехах и через личные грехи каждого человека, каждый человек — *раб греха* (Ин. 8, 34).

Так как Адам — отец всех людей, он является и творцом всеобщей греховности всех людей, а через это — и всеобщей зараженностью смертью. Рабы греха являются в то же время и рабами смерти; наследуя от Адама греховность, они тем самым наследуют и смертность. Богоносный Апостол пишет: *Посему, как одним человеком* (т. е. Адамом — Рим. 5, 14) *грех вошел в мир, (в нем) все согрешили* (Рим. 5, 12).

Греховность человеческого естества, происходя от Адама, проявляется во всех людях без исключения как некое живое греховное начало, как некая живая греховная сила, как некая категория греха, как закон греха, живущий в человеке и действующий в нем и через него (Рим. 7, 14—23). Но в этом человек участвует своей свободной волей, и эта греховность естества разветвляется и разрастается через его личные грехи.

Закон греха, таящийся в природе человеческой, воюет против закона разума и делает человека своим рабом, и человек не делает добра, которого хочет, а делает зло, которого не хочет, поступая так по причине живущего в нем греха. «В естестве человеческом пребывает смрад и чувство греха, — говорит св. Иоанн Дамаскин, — то есть похоть и чувственное наслаждение, называемые зако-

ном греха; а совесть составляет закон разума человеческого». Закон греха воюет против закона разума, но он не в состоянии уничтожить в человеке полностью всякое добро и сделать его неспособным для жизни в добре и ради добра. Богообразной сущностью своей души, хотя и обезображенной грехом, человек старается служить закону разума своего, т. е. совести, и по внутреннему, богоустремленному человеку он чувствует радость в законе Божиим (Рим. 7, 22).

Греховная порча человеческой природы является **наследственной** и склонность к греху проявляется уже в раннем возрасте. Именно эта идея была развита святыми отцами Православного Востока. Так, святитель Григорий Палама, объясняя, почему Христос воплотился от Девы, а не через брак, отмечает, что Спаситель «был единственным, не зачатым в беззакониях, не во грехах чревоносим... Потому что плотское вожеление, будучи независимым от воли и явно враждебным закону духа, — хотя у целомудренных, путем силы воли, и держится в рабстве, и послабляется только в целях деторождения, — как-то от начала привносит осуждение, будучи тлением, и называемо так, и рождает, конечно, для истления, и является страстным движением человека, не сознающего чести, которую наше естество прияло от Бога, но потом уподобилось животным».

В силу страстного рождения, зло входит внутрь человека, становится как бы частью его природы. Преподобный Антоний Великий отмечает: «Зло прираилось к естеству, как ржавчина — к меди и грязнота — к телу». Люди получили как бы собственный, внутренний источник греховных движений и помыслов, сделавшись *по природе чадами гнева* Божия (Еф. 2, 3).

В таком падшем состоянии человека диавол получил и власть над ним. Через страсти он сделал человека своим рабом. «Преступив заповедь Божию, — отмечает св. Афанасий Великий, — Адам вдался в греховные помышления... уловляющие нас... потому что всеял их обманом в разумной природе человека, впадшей в преступление и удалившейся от Бога, так что диавол утвердил в естестве человека закон греха и смерть, царствующую через грех». Похожую мысль высказывает и преподобный Макарий Египетский: «Так лукавый князь облек душу грехом, все естество ее, и всю ее осквернил, всю пленил в царство свое». В результате образовался синергизм (взаимодействие) воли диавола и воли человека. Однако человек все же остался свободным и после падения, хотя воля его больше склонилась к злу, чем к добру.

«Хотя воля человека, — говорится также в Православном исповедании, — и повреждена от первородного греха, но при всем том еще и теперь в воле каждого состоит быть добрым и чадом Божиим или злым и сыном диавола».

«Невозможно, — говорит св. Григорий Нисский, — объять числом множество тех, в которых путем наследия распространилось зло; пагубное богатство

порока, разделяясь каждому из них, увеличивалось каждым, и таким образом, плодородное зло переходило (передавалось) в непрерывной цепи поколений, разливаясь по множеству людей до бесконечности, пока, дойдя до конечной границы, не овладело всем человеческим естеством, как об этом ясно сказал пророк о всех вообще: *Вси уклонишася, вкупе неключими быша* (Пс. 13, 3), и не было ничего в существующем, что не являлось бы орудием зла».

Поскольку все люди являются наследниками растленной грехом природы Адамовой, то все зачинаются и рождаются во грехе, ибо по естественному закону рождаемое тождественно рождающему, от поврежденного страстями рождается страстный, от грешника — грешник. Зараженная прародительской греховностью душа человеческая все более и более отдавалась злу, умножала грехи, придумывала пороки, творила себе ложных богов и люди, не зная насыщения в злых делах, все более и более утопали в порочности и распространяли смрад своих грехов, показывая тем, что они стали ненасытимыми в прегрешениях (св. Афанасий Великий).

«С момента нарушения заповеди Божией сатана и ангелы его воссели в сердце и в теле человеческом как на своем собственном престоле» (св. Макарий Великий). «Нарушив заповедь Божию в раю, Адам сотворил первородный грех и грех свой перенес на всех» (св. Василий Великий). «Преступлением Адама грех попал во всех людей; и люди, остановившись мыслью на зле, стали смертными и ими овладела испорченность, тление» (св. Афанасий Великий). Все потомки Адама приобретают первородный грех наследственным путем через рождение от Адама по телу.

Сам способ перенесения первородного греха с предков на потомков заключен, в сущности своей, в непроницаемую тайну. По мнению учителей Церкви, нет ничего известнее учения Церкви о первородном грехе, но и ничего таинственнее для понимания. По церковному преданию, несомненно одно: наследственная греховность от Адама передается всем людям путем зачатия и рождения.

С перенесением прародительской греховности на всех потомков Адама путем рождения, на всех их в то же время переносятся и все последствия, постигшие наших прародителей после падения: обезображенность образа Божия, помрачение разума, испорченность воли, оскверненность сердца, болезни, страдания и смерть.

Церковь учит, что **крещение** изглаживает, уничтожает в нас первородный грех: это значит, что оно очищает собственно греховность нашей природы, наследованную нами от прародителей. Через крещение мы выходим из состояния греховного, перестаем быть естеством чадами гнева Божия, т. е. виновными перед Богом, делаемся совершенно чистыми и невинными перед Ним, благодатью

Духа Святаго, вследствие заслуг нашего Икупителя. Однако это не значит, что крещение уничтожает в нас следствия первородного греха: удобопреклонность ко злу более, нежели к добру, болезни, смерть и др., — потому что все означенные следствия остаются, как свидетельствует опыт и Слово Божие (Рим. 7. 23) и в людях возрожденных.

Все люди, будучи потомками Адама, наследуют от Адама богообразность души, но богообразность помраченную и обезображенную греховностью. Вся душа человеческая вообще пропитана прародительской греховностью. «Лукавый князь тьмы, — говорит св. Макарий Великий, — еще в начале поработил человека и всю душу его облек грехом, все ее существо и всю ее осквернил, всю ее поработил, не оставил в ней свободной от своей власти ни одну ее часть, ни мысли, ни разум, ни тело. Вся душа пострадала от страсти порока и греха, ибо лукавый всю душу облек в свое зло, то есть в грех». «Существует некая скрытая нечистота и некая преизобилующая тьма страсти, которая через преступление Адама проникла все человечество; и она помрачает и оскверняет и тело, и душу» (св. Макарий Великий). Поскольку люди унаследовали греховность Адама, из их сердца течет «мутный поток греха» (св. Григорий Богослов). «Как Адам, преступив заповедь Божию, принял в себя закваску злых страстей, так весь род человеческий, рождаясь от Адама, путем участия стал общником этой закваски; и постепенным разрастанием в людях так умножились греховные страсти, что все человечество вскисло злом» (св. Макарий Великий).

Чувствуя немощное барахтанье каждого человека в отдельности и всех людей вместе в бездне греховности, православный с рыданием молится: «В бездне греховней валялся, неизследную милосердия Твоего призывая бездну: от тли, Боже, мя возведи» (канон Пресвятой Богородице. Песнь 6). Но хотя в людях изуродован и помрачен образ Божий, представляющий собой целостность души, он все-таки не уничтожен в них, ибо с его уничтожением было бы уничтожено то, что человека делает человеком, а это значит: был бы уничтожен человек как таковой. Образ Божий и далее составляет главную драгоценность в людях (Быт. 9, 6) и частично проявляет свои главные особенности (Быт. 9, 1—2). Господь Иисус Христос и пришел в мир не для того, чтобы вновь сотворить образ Божий в падшем человеке, а для того, чтобы его обновить — «да Свой паки обновит образ, истлевший страстьми» (Стихира); Да обновит «растлевшее грехом естество наше» (Последование ко св. Причащению). И во грехах человек все-таки — образ Божий (1 Кор. 11, 7): «Образ есмь неизреченныя Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений» (Тропари на отпевании). Новозаветное домостроительство спасения предоставляет как раз падшему человеку все средства для того, чтобы он с помощью благодатных подвигов преобразил себя, обновил образ Божий в себе (2 Кор. 3, 18) и стал христообразным (Рим. 8, 29; Кол. 3, 10).

С обезображиванием и помрачением души человеческой как единого целого обезображен и помрачен **разум** человеческий во всех потомках Адамовых. Это помрачение разума проявляется в его медлительности, ослеплении и неспособности принять, усвоить и постичь духовные вещи, так что мы *едва разумеваем, яже на земли, и яже в руках обретаем со трудом, а яже на небесех — кто изследи?* (Прем. 9, 16). Греховный, телесный человек не принимает того, что от Духа Божия, ибо ему это кажется безумием и он не может того разуместь (1 Кор. 2, 14). Отсюда — неведение Истинного Бога и духовных ценностей, отсюда — заблуждения, предрассудки, неверие, суеверие, язычество (букв. «незнание Бога». — *Ред.*), многобожие, безбожие. Но это помрачение разума, эту его обезумленность грехом, эту его заблужденность во грехе нельзя представлять как полное уничтожение умственной способности человека к постижению духовных вещей; Апостол учит, что разум человеческий, хотя он и пребывает во мраке и мгле первородного греха, все-таки обладает способностями частично познать Бога и принимать Его откровения (Рим. 1, 19—20).

Как последствие первородного греха, в потомках Адама появляются испорченность, расслабленность **воли** и ее большая склонность ко злу, нежели к добру. Грехоцентричное самолюбие стало главным рычагом их деятельности. Оно оковало их богообразную свободу и сделало их рабами греха (Ин. 8, 34; Рим. 5, 21). Но в воле человека все же не уничтожена полностью склонность к добру: человек сознает добро, желает его, а растленная грехом воля влечет ко злу и творит зло: *Не еже бо хошу доброе, творю, но еже не хошу злое, сие содеваю* (Рим. 7, 19); «неудержанное стремление к злу влечет мя, действием врага, и обычаем лукавым» (Канон Пресвятой Богородице. Песнь 4). Это греховное стремление ко злу путем навыка стало в историческом процессе неким законом человеческой деятельности: *Обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит* (Рим. 7, 21). Но люди ни в коем случае не являются слепым орудием греха, зла, дьявола, в них всегда живет свободная воля, которая несмотря на всю зараженность грехом, все-таки действует свободно, может и желать добра, и творить его.

Нечистота, окаянность, оскверненность **сердца** является общим уделом всех потомков Адама. Она проявляется как нечувствие духовных вещей и как погруженность в неразумные стремления и страстные желания. Усыпленное грехолюбием сердце человеческое тяжело пробуждается к вечной реальности святых истин Божиих: «Сон греховный тяготит сердце» (Канон св. Иоанну Предтече. Песнь 6). Зараженное исконной греховностью сердце является мастерской злых мыслей, злых желаний, злых чувств, злых дел. Спаситель учит: *От сердца бо исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы* (Мф. 15, 19). Но *глубоко сердце паче всех* (Иер. 17, 9),

так что и в греховном состоянии оно сохранило силу *соуслаждаться закону Божию* (Рим. 7, 22).

«Через преступление Адама мы подверглись смерти» (св. Амвросий).

Смерть — это удел всех потомков Адама, ибо они рождаются от Адама, зараженного грехом и поэтому смертного. Как из зараженного источника естественно течет зараженный поток, так от родоначальника, зараженного грехом и смертью, естественно проистекает потомство, зараженное грехом и смертью. И смерть Адама, и смерть его потомков является двойкой: телесной и духовной. Телесная смерть — это когда тело лишается оживляющей его души, а духовная — когда душа лишается благодати Божией, оживляющей ее высшей, духовной, богоустремленной жизнью, а по словам святого пророка, *душа же согрешающая, та умрет* (Иез. 18, 20).

Смерть имеет своих предтеч — болезни и страдания. Тело, расслабленное наследственной и личной греховностью стало тленным, и «смерть тленностью царствует над всеми людьми» (св. Афанасий Великий). Грехолюбивое тело предалось греховности, проявляющейся в неестественном преобладании тела над душой, вследствие чего тело часто представляет собой подобие великого бремени для души и помеху для ее богонаправленной деятельности. *Тело бо тленное отягощает душу, и земное жилище обременяет ум многопечителен* (Прем. 9, 15). Как последствие греховности Адама, в его потомках появились пагубный раскол и раздор, борьба и вражда между душой и телом: *Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хотите, сия творите* (Гал. 5, 17).

Восточные отцы не отрицали, что мы несем наказание за преступление Адама, хотя и не так, как за свои личные грехи. Это наказание состоит, во-первых, в том, что все люди, рождающиеся через брак, подлежат закону смерти. Св. апостол Павел пишет, что *царствова смерть от Адама даже до Моисея и над несогрешившими по подобию преступления Адамова* (Рим. 5, 14). Изъясняя этот текст, святитель Феофан Затворник отмечает, что не личные грехи каждого человека, а первоначальный грех Адама явился причиной смерти. Хотя среди потомков Адама были и особенно развращенные грешники (например, допотопные исполины, жители Содома), преступления которых наказывались смертью, но это было, как пишет святитель Феофан, «не первоначальное... присуждение смерти, а только ускорение срока смерти, уже присужденной всем».

Первородный грех является наказанием еще и потому, что получивший испорченную природу человек не может войти в Царство Небесное (Ин. 3, 5). Даже невинные младенцы подлежат этому наказанию, хотя они, как не имеющие личных грехов, избавлены от вечных мучений. Карфагенский Собор 418 года провозгласил анафему тем, кто отвергает необходимость крещения младенцев,

и подчеркнул, что они, не имея личных грехов, все-таки крестятся «истинно во отпущение грехов» (Правило 124), то есть «первородный грех» или «прародительская скверна» в данном случае по своему результату приравниваются к преступлению закона Божия, поскольку в силу плотского рождения всякий человек уже подлежит наказанию — лишается Царства Небесного.

Таким образом, первородный грех вменяется двояко — всякий человек, обладающий природой падшего Адама, подлежит смерти и лишается Царства Небесного. Эта печальная реальность кажется многим несправедливой — почему из-за преступления одного человека, Адама, страдают его невинные потомки? В оправдание этой кажущейся несправедливости некоторые святые отцы указывают на общий закон природы, согласно которому от подобного всегда происходит подобное: от подверженного страстям рождается страстный, от грешника — грешник. Наиболее глубокое решение этого вопроса дает св. апостол Павел, который пишет: *Якоже бо послушанием единого человека грешни быша мнози, сице и послушанием Одного праведни будут мнози* (Рим. 5, 19).

Апостол не отвечает прямо на вопрос — справедливо или несправедливо то, что невинные люди страдают за преступление Адама. Он обращает внимание на другое. Христос Своим искупительным подвигом устранил всякий повод к недовольству. Чтобы достичь великой цели Промысла, нужно было спасти человека, спасти от тяжкого закона рождения с его последствиями, страстностью и тлением. Естественными средствами сделать это было невозможно. Это силен был совершить только Бог. Лишь сообщение человечеству Божественной благодати, препобеждающей осуждение и немощь естества, могло даровать человеку спасение. Этот новый поток Божественной силы, как подчеркивает ап. Павел, вошел и распространился в человечестве таким же путем, каким тление и смерть перешли от первого Адама. Как ветхий Адам, уклонившись от своего назначения, распространил на всех потомков своих плотское рождение, грех и тление, так Новый Адам, осуществив все, чего не достиг праотец, стал родоначальником нового человечества и распространил на него силу духовного безгрешного рождения, освободил его от греха, избавил от тления и приводит к конечной цели Промысла — обожению.